

После летней разлуки...

Фото В. НИКИТИНА.

ОТВЕТ на тест «Что у вас, ребята, в головах!» [см. 1-ю страницу].

- 1) $7 > 5$ и «Большее» — это «столько же» и ещё какое-то количество: $7 - 5 + 2$. И, 7 стоит ПРАВЕЕ на числовой прямой.
- 2) Звуки «н» и «ш» в русском языке всегда ТВЕРДЫЕ, и не надо ставить «ы», чтобы показать это, как например: «рыба» («р» — звук твёрдый) и «Рим» («р» — звук мягкий).
- 3) «БРИЗ» — ветер, меняющий направление в течение суток: днём — с моря на сушу, ночью — наоборот.
- 4) «МУССОНЫ» — ветры, меняющие направление со сменой времён года: от лета к зиме и от зимы к лету.
- 5) ЦЕЗАРЬ.
- 6) Да.
- 7) Стоит провести вторую диагональ ОВ. Это радиус. Но ОВ=АС. АС=А см.
- 8) «ЗА» — корень, а Митрофан — дурак.
- 9) Из Иван-чая.
- 10) Гол, Голкипер.
- 11) Экватор. А меридианы все одинаковые.
- 12) Экология. Если мы не овладеем ею практически, то жизни на Земле не будет...

В сегодняшний необыкновенный первосентябрьский день, когда никто ещё не успел получить ни одной двойки, ни одного замечания и кругом только радостные лица, на разные голоса звучит: «Здравствуй, школа!» Пусть бы эти слова весь год говорились так ласково и дружелюбно! А накануне нового учебного года наш корреспондент побывал у Александра Евгеньевича Сутормина, учителя русского языка и литературы Поповской сельской школы. Это ему, победителю конкурса «Учитель года-90», Михаилу Сергеевичу Горбачёву вручили в Кремле приз «Хрустальный пеликан».

«Вот Александр Евгеньевич смотрит на вас с фотографии. Таким его корреспондент увидел. А что ребята разглядели в своём учителе? И вообще любопытно, какой он?»

— Александр Евгеньевич хоть и классный руководитель, но учитель требовательный, в классе пётерки ни у кого нет.

— Он высокий, стройный. Вежливый. Интеллигентный. Носит очки в тонкой оправе. Есть у него для торжественных случаев шляпа... «нарисовали» девочки симпатичный портрет.

— Не деревенский он, — сказал выпускник школы Серёжа Иванов, потом подумал и по интеллигентности зачислил учителя в «чеховские» герои...

— Да вот Сутормин, посмотрите в окно...

Пчёлкин труд

Он идёт по деревне в телогрейке и сапогах. Молодой, энергичный...

ЖДЕМ ВАШИХ ОТКРЫТИЙ

Не по телевизору...

«...В Поповке сначала повстречалась я с ребятами. Они радуются, что их Александр Евгеньевич стал Учителем года. Но и удивляются: человек добрый и преподаватель интересный, только известных людей привыкли видеть больше по телевизору. А Сутормин... Он уже тринадцать лет в Поповке работает. Привыкли. Каждый день с ним встречаются, даже летом.

— Наш учитель весёлый человек. На его уроках мы успеваем многое узнать и понаблюдать. Он говорит с нами как со взрослыми, уважает нас.

— Когда мы ездили по городам России, он больше экскурсовода рассказывал.

— Любит кактусы и другие цветы. В кабинете ими все подоконники заставлены. Александр Евгеньевич говорит, что, когда мы ему надоедем, он смотрит на цветы и отдыхает душой.

— Я был маленький, но помню, как Сутормин кота на цепочке гулять водил. Кот был сиамский, гусей пугался.

— Есть у него пёс Ярдик. Боксёр, кажется. Он с ним ходит за несколько километров от деревни — природой любит.

— А читает он — ужас сколько!

— Мы постоянно пользуемся толковыми словарями.

— Часто он предлагает нарисовать эпизод из произведения. Не умеешь рисовать — ничего. Главное, увидеть детали в тексте и перенести на бумагу.

— Обычный учитель? — словно отгадал мои мысли Александр Евгеньевич и весело рассмеялся. — Победа на конкурсе — это случай. Особой педагогической системы у меня не ищите. Единственная тактика на уроке — возмутить спокойствие ребят.

И тут все средства хороши: музыка, рисование, лепка, художественное чтение. Из разных газет, журналов, книг я выбираю материал — всё, что полезно знать и может заинтересовать моих ребят. Горы литературы переверну, чтобы прийти на урок, выложить за минуту и расшевелить их!

Учителя он сравнивает с пчелой — кропотливый труд, накопление понемножку... Ради чего? Чтобы ребята знали литературу?

— Да нет, чтобы знали жизнь. А литература — только ступень к её пониманию.

«Чудак-человек», но двойки сурово ставит», — так думала Татьяна Пинашина и её одноклассники, когда пришли на первый урок к Сутормину. А после школы Таня выбрала профессию учителя...

«Учитель — он и сегодня, и каждый день рядом. Что сумеем разглядеть, понять в нём, открыть? Пусть они состоятся, эти открытия! И не будем их откладывать на «потом».

С. КОРОВИНА, студентка факультета журналистики МГУ.

Тульская область, Чернский район, с. Поповка.

Фото Ю. РИДЯКИНА.

ЕСЛИ СКАЖИТЬСЯ НАД ЧИСТЫМ ЛИСТОМ

Что значит скрыть тайну? Это всё равно что разжечь костёр и пытаться скрыть дым костра. Или сорвать пучок полыни и сказать пучку: «Не пахни!»

Конечно, Овезмурад знал, что новенький коричневый ранец с блестящими застёжками спрятан мамой в сундук. А в ранце — тетради, альбом для рисования, книжки с картинками. Называются учебники. Фломастеры, две ручки — одна с синими чернилами, другая — с чёрными. Ещё в ранце пенал, на котором нарисован лев, а в пенале семь цветных карандашей.

Когда Овезмурад пробегает мимо сундука, он даже останавливается: придёт первого сентября в школу, у всех карандаши заточены, а у него нет. Разве это хорошо?

С крыши, где Овезмурад ворошит виноград, чтобы быстрее высох, видны крыши других домов, деревья, улочки. А там, где аллея, высится тополя, — школа. Она белая. Будто лежит кусок сахара. Сверху всё видится другим. Ползёт по железной дороге ящерица на ста ногах. Это поезд катит в Ашхабад. Издалека вагоны кажутся не больше спичечных коробков. А вблизи они больше. Почти с дом. Едут цистерны. Влезают на солнце, будто их облили водой. Дедушка рассказывал, что в Индии — она там, за горами, — есть место, где дождь идёт чуть не каждый день. А у них редко-редко бывает. Почему так?

— Овезмурад! — слышит голос дедушки. — Иди ко мне!

Дедушку Худайберды с крыши не видно. Видно только старую грушу, под которой на кошке сидит дедушка и пьёт чай.

Овезмурад слетает с крыши. Так и есть: дедушка сидит под грушей. Рядом с ним чайник, пиала и лепёшка. А ещё его, Овезмурада, новенький ранец.

— Овезмурад,

говорит дедушка, словно угадывая его мысли. — Давай подточим карандаши.

Они точат карандаши, а потом Овезмурад проверяет, хорошо ли получилось. «Если точка от карандаша выходит круглой-круглой, значит, хорошо подточили», — говорит дедушка. Достает очки, надевает на нос:

— А теперь подпишем тетради.

«Он слышит все мои мысли», — думает Овезмурад, глядя, как сухая смуглая рука с пером скользит по бумаге. Буквы красивые, удлиненные, а хвосты и шен у них тонкие.

— «Тетрадь ученика первого класса Овезмурада Айнабердыева», — читает вслух

школу, — смеётся Овезмурад.

— Верно, — улыбается дедушка. — На земле у каждого свой путь. У зайца, который пугается своей тени. У змеи, что таится и копит яд. У ящерицы, что греется на солнце. Но это пути, недостойные человека. Знаешь, когда я шёл в школу в первый раз, отец мне сказал: «Ты начал идти путём человека». Тогда я не понял, что он хотел сказать...

Дедушка взял пиалу и долго-долго пил чай. Отламывал лепёшку, медленно жевал и снова пил.

— А что же он хотел сказать? — не выдержал Овезмурад.

— Я думаю, что он хотел сказать про

дедушка. — Раскроем тетрадь. Что в ней видно?

Овезмурад смотрит на пустую страницу, где нарисованы клеточки.

— Что видно? — повторяет он нерешительно. — Клеточки...

— Давай смотреть вместе. Гляди, серебряный пруд, а в нём отражается солнце. Наклонись над прудом. Видишь два ряда тополя, а за ними белый-белый дом. Что это?

— Школа! — кричит Овезмурад.

— По дороге к школе идёт человек. За спиной у него коричневая сумка с застёжками, а в ней тетради, фломастеры, пенал со львом. Ещё книги с картинками...

— Это же я иду в

пруд, в котором отражается солнце. Если в него заглянуть, то каждый увидит в нём себя.

Овезмурад посмотрел на чистый тетрадный лист и представил пруд, и как в воде отражается его лицо, а лицо дедушки и школа, и тополя, и дорога, по которой идёт мальчик с сумкой за плечами, в которой лежат тетради, фломастеры, книжки с картинками и пенал со львом. А в пенале семь подточенных разноцветных карандашей. Это он, Овезмурад, идёт в школу. Это теперь его путь.

С. СМОРОДИН. (Наш специальный корреспондент).

Туркменская ССР, Ашхабадский район, посёлок Карадаш Аян.

СТАРАЯ, СТАРАЯ ШКОЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Хотите, я расскажу вам одну школьную историю!

Решал класс задачки на уроке. Одна девочка всё решила и заглянула к соседке по парте. А та уже тоже решила и сидела молча. А первая девочка быстро подняла руку — я решила. «Молодец», — сказала учительница, — самая сообразительная в классе». И эта девочка не смогла сказать — не я, а она, другая, — самая, самая... Она только улыбалась и краснела, и учительница на неё любовалась. А та, другая девочка, молчала. Ни слова не сказала ни учительнице, ни своей подруге. И даже потом говорила: ты, и правда, хорошо решаешь задачки, молодец. И это её молчание, и особенно её похвала были для этой девочки самыми обидными, самыми насмешливыми. Они навсегда остались для неё укором, укором совести, укором на всю жизнь. В жизни потом было так много плохого и хорошего, но не было ничего страшнее молчания её одноклассницы. Она не смогла отказаться от любви учительницы, которая принадлежала не ей.

Хотите, я расскажу вам одну школьную историю!

Девочка и мальчик шли по школьному коридору. Они просто шли рядом — и всё, и ничего такого, и не какие там гили-тили тесто... Но когда девочка и мальчик идут по школьному коридору, на них все смотрят. И вот один из мальчишек, кото-

рых было много и которых все боялись, сказал со смешком: ишь, салаги, а уже гуляют. Тогда мальчик подошёл к ним и сказал: «Отстань, не твоё дело!» Все те мальчишки окружили его, а он не ухилил, не боялся их. И они расступились. И мальчик снова пошёл рядом с девочкой. Просто так, и ничего такого...

Сколько таких историй в твоей школьной жизни! Каждый урок истории, даже если это не урок истории. И каждая минута в школе учи, даже если это перемена. Экономике учи старая парта — видишь, как я стара, сколько людей выросло, а я всё стою и стою здесь, ты думаешь, я не устала? Дипломатии учи спор с учителем — ты в газете прочёл, что не написано в учебнике, а учитель сомневается в твоих словах. Что делать, как не гордиться? Мужеству тебя научит девочка, с которой ты случайно пройдёшь по школьному коридору. И задачка из учебника заставит ощутить такое чувство, как совесть. У вас в школе нет компьютеров, нет пятнадцатки, а в буфете очереди! Жаль, школа наша явно не из передовых. Но эта школа — твоя жизнь, твоя биография, твой характер, и о ней, старенькой, будут судить по тебе, по тому, какими она тебя вырастила и чему научила. В школе учи все. Да так крепко, что вовек не забыть.

И ЧУПРИНИНА (Наш корреспондент).

г. Алма Ата.

У ВАШИХ ДЕТЕЙ БУДЕТ ВСЁ

Ирина Новицкая, переводчица книг Астрид Линдгрен (мы печатали в её переводе главы из повести «Мадикен и Пимс из Юнибаккена»), побывала в Швеции в гостях у Астрид ЛИНДГРЕН и по нашей просьбе взяла у неё интервью.

Дверь мне открыла худенькая, невысокого роста пожилая женщина с милым, добрым и чуточку лукавым лицом. Астрид Линдгрен! Писательница никак не соглашалась давать мне интервью, пока не наполнила меня кофе, не угостила вкусными вещами. В этой стране гостей принимают с таким понятным нам гостеприимством и хлебобогатством.

— Скажите, фру Линдгрен, как рождаются замыслы ваших книг! — спросила я.

— Замыслы! Мой друг Ольга Карлсон из Смоланда называла их иначе — выдумки! Однажды она сказала мне: «Надо же, чего только нет в этой голове! Да она же полным-полна разных выдумок!» Ольга с интересом рассматривала мою голову. Она ясно видела, как выдумки кишмя кишат в ней, словно щуки в рыбном садке, которых я по мере надобности вылавливаю оттуда одну за другой. Выдумки! Мне и самой непонятно, как можно было жить и почти что умереть со сплошными выдумками.

— Нет, только не умереть!

— Не беспокойтесь. Я из породы долгожителей. Мой отец умер в девяносто четыре года, тётка дожила до ста пяти лет.

Я от всей души пожелала писательнице долголетия и новых интересных книг. Ведь она, несмотря на свои восемьдесят два года, сохранила не только острый, ясный ум, но и удивительную лёгкость и подвижность. Узнав, что я перевожу её «Мадикен», оригинал которой вынуждена заказывать в библиотеке, Астрид Линдгрен молниеносно взлетела на самую верхнюю ступеньку стремянки, чтобы снять с антресолей нужную мне книгу, я только ахнула от изумления.

— И всё-таки, — продолжаю я прерванный разговор, — расскажите, пожалуйста, ещё немного о «щуках». Как они появляются там, в этом садке! Откуда!

— Часто сначала появляется всего лишь и м я...

Так было с самой первой книгой — «Пеппи Длинныйчулок» (это имя придумала дочка писательницы).

— Так вот, то же самое дитя придумало однажды другое имя — господин Вечерин. Много лет спустя господин Вечерин вернулся, изменив свой внешний облик и характер. Впрочем, это был уже не господин Вечерин, а Карлсон, который живёт на крыше. А повесть «Мю, мой Мю» родилась иначе. Однажды в парке Тегнера я увидела

одинокого мальчугана, печально сидевшего на скамейке...

В книге о Бюллербю много такого, что в действительности случилось со мной, моим братом и сёстрами. Девочки, которые прекрасным майским днём играют под цветущей черёмухой с лягушкой, воображая, что это заколдованный принц, — ведь это же мы с сестрой. А новелла «Самуэль Август из Севедсторна и Ханна из Хюльта» — о моих родителях.

Отцу Астрид Линдгрен, Самуэлю Августу, было всего тринадцать лет, когда он полюбил девятилетнюю девочку по имени Ханна. Двенадцать долгих лет он ждал её, почти не надеясь, что она когда-нибудь полюбит его и выйдет за него замуж. Став взрослым, он не мог смотреть ни на одну девушку — видел перед собой одну только Ханну. Эта история закончилась очень счастливым: Самуэль Август и Ханна поженились и прожили вместе пятьдесят шесть лет.

— А что стало с усадьбой священника Нэс, куда Самуэль Август привёл

после свадьбы Ханну и где прошло ваше детство!

— Эта усадьба существует до сих пор. Там теперь музей. В доме всё по-старому, всё на своих местах.

— Что бы вы пожелали нашим детям!

— Я много общаюсь с детьми. На одной из встреч совсем маленький мальчик задал мне вопрос: «Я больше всего боюсь войны. А ты!» Я тоже боюсь войны, которая несёт всем, даже тем, кто не воюет, неисчислимые бедствия. Я внимательно слежу за обстановкой в вашей стране. Интерес к ней сейчас во всём мире огромен. Я надеюсь, что вы сумеете справиться со всеми своими трудностями и что у ваших детей будет всё: и мир, и хлеб, и прекрасные талантливые книги.

Адам Энгельбрект был настоящим великаном среди быков, а жил он в Смоланде, на одном скотном дворе, вместе с дородными коровами и множеством славных маленьких телят. Собственно говоря, Адам Энгельбрект был очень добрым и кротким быком, и таким же добрым и кротким был старый скотник. Свенссоном звали его. И был он до того добрым, что однажды, когда Адам Энгельбрект нечаянно наступил ему на ногу, не решился отогнать быка прочь. Он спокойно стоял и ждал, пока Адаму Энгельбректу не придёт мысль самому двинуться с места.

Почему же бык вдруг рассердился? Почему настроение Адама Энгельбректа так ужасно испортилось, давным-давно в тот пасхальный день? Может, кто-то из телят невежливо вякнул ему что-нибудь на своём телячьем языке? Во всяком случае Свенссон не мог понять, почему Адам Энгельбрект в Пасху, среди бела дня, вдруг вырвался на свободу и, забарабанив копытами по земле, помчался по дорожке через весь скотный двор с таким свирепым видом, что Свенссон не отважился остановиться и спросить, был ли Адам Энгельбрект чем-то недоволен. Вместо этого Свенссон нёсся от быка как угорелый и единым духом вылетел за ворота скотного двора.

А за ними была крестьянская усадьба, обнесённая забором. Свенссону повезло улизнуть из усадьбы через калитку и захлопнуть её перед носом взбешённого Адама Энгельбректа, который, по-видимому, был бы рад всадить рога в своего старого друга.

Во дворе усадьбы сидели за завтраком хозяин и его семейство. Потом все собирались в церковь. Выдался такой благословенно прекрасный день, и хозяйские малыши так радовались, что надев новые сандалии, и что светит солнце, и что они надумали после обеда строить маленькую мельницу у ручья на фиалковом лугу. Но только теперь ничего у них не получится. Ничего не получится из-за этого Адама Энгельбректа.

А тот, грозно мыча, метался туда и обратно по всей усадьбе. За забором собрались хозяева, их дети, служанки, батраки. Вскоре по всей округе разлетелся слух: бык из Вённеса вырвался на свободу и, как рычащий лев, разгуливает по холму у скотного двора!

Калле из Бэкторпа одним из первых примчался на место происшествия со всей скоростью, на какую только были способны тоненькие ножки этого семилетнего мальчугана. Калле был маленьким смоландским мальчишкой, очень похожим на тысячи других крестьянских детей, таким же голубоглазым, с

Астрид ЛИНДГРЕН

Рассказ

СМОЛАНДСКИЙ ТОРЕАДОР

такими же, как у них, льяными волосами.

А Адам Энгельбрект гулял на свободе уже целых два часа. Хозяин предпринял было попытку приблизиться к нему. Но, ой, лучше бы он этого не делал! Потому что Адам Энгельбрект вознамерился сердиться. Опустив голову и выставив рога, он бросился на хозяина, и если бы тот не умел так хорошо бегать, то... Сейчас же он отделился всего лишь здоровенной дырой, которую Адам Энгельбрект пропорол в его красивых воскресных брюках.

А на скотном дворе вдруг замычали коровы. Они возвещали, что настало время полуденной дойки. Но кто бы отважился пройти через всю усадьбу на скотный двор? Никто!

— А что, если Адам Энгельбрект так всё время и будет бродить по усадьбе,

всё время, пока мы живы? — затосковали малыши.

Да, это была печальная мысль. Кто же тогда станет играть в прятки на скотном дворе зимой по вечерам?

Озабоченные крестьяне держали совет. Может, подойти к быку с длинным шестом и зацепить им за кольцо, продетое в нос? Или всё-таки придётся пристрелить этого взбесившегося быка? Не может же дальше так продолжаться!

Солнце светило, небо синело, на берёзах трепетали первые курчавые листочки, всё вокруг было так чудесно, как может быть только в Смоланде, в пасхальный день. А Адам Энгельбрект злился.

На забор влез Калле, маленький смоландский сопливый крестьянский мальчишка, всего лишь семи лет от роду.

— Адам Энгельбрект, — сказал он, усевшись на заборе, — иди сюда, я потешу тебя между рогов!

Собственно говоря, сказал-то он это вот как:

— Адам Энгельбрект, подь сюда, я потешу тебя меж рог!

И произнёс он свои слова по-смоландски, ведь это был единственный язык, который Калле знал, но был это также и единственный язык, который Адам Энгельбрект понимал. Но хотя Адам Энгельбрект и понял Калле, он вовсе не собирался слушаться его. Во всяком случае сразу. Пока что он собирался злиться. Однако с забора непрерывно доносился тоненький нежный детский голосок:

— Подь сюда, я потешу тебя меж рог!

Наверное, долго злиться не так уж весело, как представлял себе вначале Адам Энгельбрект. Он стал сомневаться. А пока Адам Энгельбрект сомневался, он приблизился к забору, где сидел Калле. И Калле почесал его между рогов своими маленькими грязными пальчиками. Дружески приговаривая при этом всякие ласковые словечки.

Адам Энгельбрект был несколько смущён тем, что стоит так тихо и позволяет себя чесать. Но тихо он всё-таки стоял. Тогда Калле крепко ухватился за кольцо у быка в носу и перелез через забор в усадьбу.

— Ты с ума сошёл, малыш! — крикнул ему кто-то из взрослых.

А Калле уже медленно и с достоинством вёл Адама Энгельбректа за кольцо прямо к воротам скотного двора. Адам Энгельбрект был большим-пребольшим быком, а Калле был маленьким-премаленьким крестьянским мальчишкой, и выглядела эта пара довольно трогательно, когда она чинно шествовала по усадьбе. Те, кто видел её, всю жизнь потом не могли забыть.

Матадор на испанской корриде не мог бы заслужить более громких криков одобрения, чем те, что получили Калле, когда он возвращался обратно со скотного двора, поставив Адама Энгельбректа в его стойло. Да, громкие крики одобрения и две кроны наличными, да ещё два десятка пасхальных яиц в кулёке — такова была награда юному тореадору.

— Я ж привычен к быкам-то, — объяснил Калле. — Всего лишь чуток доброты — и их запросто можно взять.

Он круто повернулся и отправился домой, в Бэкторп, с двумя кронами в кармане и кулёком яиц в руках. Очень довольный этим пасхальным днём.

Так и шагал он, смоландский тореадор, среди светло-пресветло зеленоюших берёз.

Перевод со шведского Ирины НОВИЦКОЙ.